

Тетя Петунья стала бросать на него смешные и странные взгляды, когда думала, что он не смотрит. Она провела большую часть его жизни, притворяясь, что его нет, так почему бы ему не относиться к ней так же?

Время от времени он вспоминал прошлое лето, ту ночь, когда пришли дементоры. Казалось, между ним и тетей Петунией почти установилась связь, но теперь от нее не осталось и следа. Он подумывал спросить ее о сделке, которую она заключила с Дамблдором, но отбросил эту мысль, как только она возникла.

Какая разница? Нравится ему это или нет, но он застрял здесь. Ему больше некуда было идти.

Иногда Гарри задумывался, не добрались ли до него те дементоры. Казалось, у него не осталось никаких чувств, кроме безнадежности и отчаяния. Может быть, дядя Вернон втайне был замаскированным дементором?

На вторую ночь его возвращения раздался телефонный звонок, и дядя распахнул дверь, едва не сбив её с петель от гнева. «Это тебя», - прошипел он. «Не связывай его надолго!»

Гарри устало ответил на голос Гермионы: «Привет, Гарри».

«Гермиона!»

«Мистер Уизли сказал, что тебе следует разрешить пользоваться телефоном. Так как у Уизли его нет, я - твой контакт! Они подключили мой дом к сети Летучего пороха, так что я могу держать их в курсе событий».

Гарри почувствовал раздражение от того, что с ним нянчатся. «Я в порядке, Гермиона», - машинально ответил он.

«Не похоже, что ты в порядке, Гарри».

«Слушай, даже если ему сказали разрешить мне, это не значит, что дядя Вернон рад этому. У меня просто нет сил сейчас с ним спорить, Гермиона, понимаешь? Поэтому будет лучше, если мы будем поддерживать контакт с совами и посылать их только ночью, чтобы маглы их не видели».

Все, что он сказал, было правдой, но это также заставило его говорить о том, о чем он не хотел говорить. Гермиона умела давить, а он просто не был готов с этим смириться.

Она сказала раздраженно: «Ладно, Гарри, если ты этого хочешь, но...»

«Да. Пожалуйста», - твердо сказал он.

«Я напишу завтра».

«Хорошо.»

«Пока, Гарри».

«Пока».

Он слегка поморщился от того, что прервал ее, но это было к лучшему. Ему все равно придется отталкивать и ее, и Рона. И лучше начать прямо сейчас.

Верная своему слову, Гермиона написала письмо на следующий день, как и Рон. Судя по схожему тону их писем, они использовали Летучий порошок, чтобы подробно обсудить его. Это раздражало его еще больше.

Он не ответил ни на одно из их писем, но они продолжали приходить. Что-то в этом немного согревало сердце Гарри. Они действительно были лучшими друзьями, которые только могли у него быть. Единственное, что Гарри писал, как и обещал, - это короткую записку в Орден каждые три дня, всегда одну и ту же.

Все еще здесь, все хорошо.

Маглы ведут себя хорошо.

Гарри

Вскоре после того, как он отправил первые две записки, пришло еще несколько писем. Помимо Рона и Гермионы, он получил записки от Джинни, близнецов, миссис Уизли и Римуса Люпина. Все они писали в основном одно и то же: спрашивали, как дела, и сообщали, что будут рядом, если он захочет поговорить.

Близнецы были забавными, они умели рассмешить Гарри даже тогда, когда он этого не хотел. Они никогда не посылали отдельных писем, всегда одно письмо от них обоих, в котором они переключались с одной мысли на другую, и Гарри никогда не был уверен, кто из них пишет! Он мог определить это только по разному почерку (и, как правило, чернилам разного цвета!). Их письма были почти такими же запутанными, как и сами близнецы, и Гарри часто задавался вопросом, делают ли они что-нибудь друг без друга. Однако они оба делали все возможное, чтобы дать ему понять, что думают о нем и поддерживают его. Все, что ему нужно было сделать, - это спросить.

Письма Джинни были актуальными и часто забавными, как и у близнецов. Она могла запросто разразиться такой тирадой о Роне, что Гарри улыбнулся бы. Она была строже с ним, чем остальные, обычно заканчивая свои письма словами «Не кисни!» или «Говори, не могу

разобрать это бормотание! Это немного задевало Гарри. Он действительно бормотал, когда чувствовал себя неловко, но это случалось нечасто! Он был раздосадован тем, что она обратила на него внимание, и сделал себе мысленную заметку поработать над этим.

Письма от миссис Уизли были немного мягче и яростно защищали его, обычно их присылали с печеньем или пирогом с фаршем. Гарри так и не удалось съесть больше кусочка любого из них, но мысли, связанные с ними, все равно согревали его.

Письма Римуса Люпина звучали грустно, и от них у Гарри щемило сердце. Но он заставлял себя читать их.

Он перечитал все их письма и хранил их под расшатанными половицами под своей кроватью, чтобы перечитывать снова и снова. Это было единственное, что помогало ему держаться.

Ему не нужна была их жалость или забота, но ему нужны были письма. Он был уверен, что они перестанут писать, если не получат ответа, и с ужасом ждал, когда этот день наступит, но пока этого не произошло. Каждый день приходило письмо от одного из них, и каждый день Гарри испытывал одно и то же удивление и позволял своему сердцу на мгновение затрепетать, а затем быстро сжимал его. Рано или поздно они сдадутся, и это было лучше, не так ли? Чем ближе они подходили, тем большей опасности подвергались. Он был мальчиком-пророком, и Мерлин помогал всем, кому выпадало несчастье пересечь его путь. Это было слишком болезненно очевидно. Как бы он ни стремился оттолкнуть их всех, Гарри понимал, что ведет проигрышную битву. Он был своим злейшим врагом. Ему отчаянно нужны были эти письма. Он цеплялся за них, как утопающий.

Лето всегда было одиноким, но это было невыносимо. Одиночество всепоглощало, и он не мог от него избавиться. Прежде всего, он испытывал беспричинное желание отвечать на письма миссис Уизли, но не мог понять почему. Она умоляла его написать, а его сердце болело при мысли о том, что он может причинить ей боль. Тайное, скрытое желание, в котором он не хотел себе признаваться, заключалось в том, чтобы она приехала на Тисовую улицу и сама за ним ухаживала. Он быстро прогонял эту мысль, когда она приходила, но она все равно приходила. Он не знал, почему ему так хочется ее увидеть. Он не был маленьким ребёнком, он даже не был её ребёнком, но факт оставался фактом: он хотел увидеть её и спросить, знает ли она, как остановить пустоту в его сердце, чтобы она не завладела им полностью.